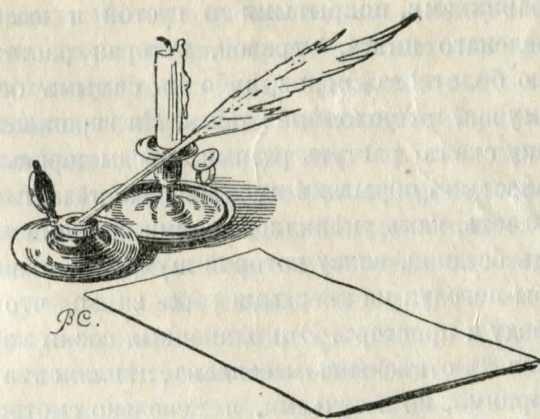

довательно и видятъ, и слышать, и даютъ себѣ отчетъ въ томъ, что воспринимаютъ. Но если это такъ, то гдѣ же тѣ «аппараты» на подобіе глазъ, ушей и мозга у дерева. Откуда это проявленіе какъ бы разума при видимомъ полномъ отсутствіи органовъ воспріянія впечатлѣній. Полюбуйтесь когда нибудь, когда будете въ лѣсу, — какъ нѣкоторыя деревья крѣпятъ свои корни, такъ называемыми, «анкерами», и крѣпятъ ихъ такъ осмысленно и прочно, какъ этого быть можетъ не сдѣлаетъ даже ученый саперъ, или какъ онѣ цѣпляются сучьями за выступы скаль и держатся за нихъ какъ бы руками, чтобы предохранить себя отъ паденія въ бездну, и тогда трепеть предъ Великой и Непостижимой Тайной охватить душу вашу и ничтожнымъ по своему убожеству покажется вамъ лепетъ человѣческой о какихъ то «приспособляемости» и борьбахъ за существованіе» и вмѣсто всего этого вамъ захочется отъ чистаго сердца воскликнуть: «Да святится Имя Твое».

А. Бѣльковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Немезида.

(Разсказъ).

1.

Дѣтъ пять назадъ пріѣхалъ я, девятнадцатилѣтній юнкеръ одного изъ пѣхотныхъ училищъ, изъ большого шумнаго города въ провинціальную глушь на рождественскія каникулы.

Городъ Краснопольскъ, хотя губернской, но стоящій въ сторонѣ отъ большихъ путей, курортовъ, заводовъ, — словомъ, всего, что въ наше время заставляетъ «процвѣтать» то или другое мѣсто, сохранялъ тогда въ себѣ нѣкоторыя патріархальныя черты, вродѣ радушной простоты нравовъ, сѣраго кулачества, примитивнаго воровства, непроходимаго невѣжества, фанатическаго ханжества, обильной грязи и относительной дешевизны и зажиточности.

Юношѣ, явившемуся на двѣ недѣли къ матери отдохнуть и повеселиться, была пріятна, какъ контрастъ сухо-размѣренной, хотя и блестящей суетѣ крупнаго центра, добрая, теплая, слегка безалаберная атмосфера южнаго захолустья съ низенькими комнатами, обильными жирными обѣдами, наивными сплетнями,

скромностью развлеченій и сравнительной близостью природы въ чистотѣ розовыхъ зорь и великолѣпныхъ зимнихъ ночей, кружевѣ инея и бахромѣ снѣга, упавшаго на вѣтви яблонь и грушъ безчисленныхъ садовъ, гаданьемъ, ряжеными, спорами до хрипоты о... будущности Россіи (не умеръ еще Тургеневъ) и самое главное, — молодыми дѣвушками, воспитанными другимъ, болѣе близкимъ намъ, скорбнымъ поэтомъ русской дѣйствительности, — дѣвушками съ ясными глазами, пышными косами, горячей кровью, играющей въ каждомъ движеніи молодого тѣла, милой неотравленной вѣрой въ красоту и правду и безудержнымъ полетомъ мечты въ каменные колодцы одной изъ аренъ безнадежной борьбы за тѣ же красоту и правду, откуда только что вырвался я.

Одной изъ этихъ дѣвушекъ и было суждено стать героиней моего, — увы грустнаго, — разсказа.

2.

Какъ то разъ на танцевальномъ вечерѣ въ военномъ собраніи послѣ мазурки, стоя у двери, ведущей въ буфетъ, я глядѣлъ на толпу, отдохавшую во время антракта. То и дѣло меня задѣвали проходившіе, мелькали мимо офицерскіе сюртуки, чиновничьи петлицы, декольтированныя плечи, качались вѣера и звенѣла, пересыпаясь, какъ стекла калейдоскопа, безконечная болтовня вращающагося въ залѣ людского кольца.

И вдругъ взоръ мой остановился и замеръ на фигурѣ, шедшей ко мнѣ съ противоположнаго конца залы въ сопровожденіи двухъ офицеровъ.

Это была средняго роста, нѣсколько блѣдная, брюнетка въ бѣломъ платьѣ. Черты ея не отличались строгой правильностью, но прекраснѣе глазъ, — темноглубыхъ съ длинными рѣсницами, — и улыбки я не встрѣчалъ ни у кого. Изящный станъ фарфоровой пастушки, грація походки и движеній довершили очарованіе и отуманили меня мгновенно.

Ко мнѣ подходили, заговаривали, звали въ буфетъ или покурить, а я, отвѣчая невпопадъ, упрямо ловилъ глазами тонкій бѣлый силуэтъ, то обращенный ко мнѣ, — тогда меня дразнили кокетливая улыбка, красивыя линіи дѣвственнаго, похожегаго на бѣлую лилію стана, игра вѣеромъ руки въ длинной перчаткѣ, — то удалявшійся, — тогда я любовался свитыми въ узелъ черными косами, слегка открытыми плечами и серебряными пуговками лифа, каждая изъ которыхъ казалась мнѣ чуть не звѣздой.

3.

Надо ли говорить, что я танцевалъ съ ней и узналъ, что она, — гимназистка седьмого класса мѣстной гимназіи Ольга Леонтьевна Михайлова. Это сказало мнѣ кое-что, — ея подругой по классу была моя сестра.

Утренній чай на другой день явился посвященнымъ прежде всего вчерашнему балу.

— «Ну, кто же тебѣ больше всѣхъ понравился изъ краснопольскихъ красавицъ?» — шутливо спросила мать. Я, стараясь казаться спокойнымъ, назвалъ нѣсколько именъ.

— «Это все дамы. А изъ барышень?»

— «Конечно, Оля Михайлова», совсѣмъ некстати вмѣшалась сестра и, замѣтивъ мое смущеніе, просіяла отъ восторга. Всѣ сестры любятъ сватать братьевъ и покровительствовать ихъ романамъ.

— «Хорошенькая», отвѣтилъ я. — «Ее слѣпой только не замѣтитъ».

— «А зрячій всѣ глаза проглядитъ», смѣялась она. — «Только ты рискуешь, Миша. Соперниковъ у тебя тьма-тьмушая, и все офицеры. — «Какъ», скажутъ, «юнкеръ такой то, вы смѣете ухаживать за мадмуазель Михайловой? Извольте сейчасъ же прекратить это или подѣ арестъ». А ты, бѣдняжка, вытянешься во фронтъ, слезы по щекамъ бѣгутъ: — «Слушаю, ваше высокоблагородіе».

Я смѣялся, но въ сердце кольнуло при мысли о вчерашнихъ офицерахъ.

— «А самое главное, — хорошая дѣвушка», замѣтила мать. — «Воспитанная, нравственная, — не то, что другія, взять хотя бы твою Рагозину»...

— «Рагозина совсѣмъ не такая, мама», заступилась сестра, къ которой относились эти слова. — «Про нее много сплетничаютъ»...

— «А отчего на Михайлову не сплетничаютъ, на тебя, на Иру Лавровскую? Нѣтъ дыму безъ огня, матушка. А вѣдь ты долженъ помнить Олю Михайлову, Миша. Года два или три назадъ, — даже меньше... мать ея Клавдія Александровна, — хорошій человекъ она, — рядомъ мы жили на Пуговишниковской, въ домѣ Чиколева, а они — въ домѣ Давыдова. Еще къ Зинѣ часто бѣгала, — черненькая такая дѣвочка?»

Я подумалъ, и вспомнилъ «черненькую» гимназистку съ прелестными, правда, глазами, но неловкую, застѣнчивую, молчали-

вую. Она ходила къ сестрѣ заниматься по французскому языку или математикѣ,—у Зины была переэкзаменовка. Я тогда посматривалъ на нее свысока, и идеаломъ женской красоты для меня была кузина матери, гостившая у насъ,—Елена Викторовна, пышная, рослая блондинка съ карими глазами, забавлявшаяся моимъ обожаніемъ пажа, а потомъ уѣхавшая въ Херсонъ, чтобы выйти замужъ за морского инженера.

Но что было общаго между той и нынѣшней Олей Михайловой?

4.

Въ тотъ же день отправился я на Дворянскую,—главную улицу города,—что то купить, и при видѣ каждой женской фигуры замиралъ отъ волненія, ожидая увидѣть «ее».

Два или три раза прошелъ я взадъ и впередъ длинную улицу, насмѣшливо улыбающуюся мнѣ окнами магазиновъ и богатыхъ особняковъ. Встрѣтилъ нѣсколькихъ товарищей,—и по странной случайности, всѣхъ съ барышнями или дамами. Пышный, пурпурный закатъ догоралъ надъ крышами.

Въ монастырѣ переливчато зазвонили къ вечернѣ и, лихо взметая снѣгъ, пронеслась вороная тройка городского головы Семидѣвкина съ ковровыми санями, полными смѣющимися въ мѣхахъ дѣвичьими лицами и студенческими фуражками.

Я вздохнулъ и уже готовъ былъ свернуть съ Дворянской, чтобы идти домой, какъ вдругъ...

Всего въ нѣсколькихъ шагахъ впереди вышла изъ воротъ на тротуаръ Оля Михайлова, такая стройная и воздушная въ черной суконной кофточкѣ, съ мѣховой шапочкой на волнистыхъ кудряхъ и, самое главное, одна.

Я приложилъ руку къ козырьку.

Она привѣтливо кивнула, узнавъ вчерашняго кавалера или просто изъ вѣжливости, я дрогнувшимъ голосомъ,—будь она не одна, можетъ-быть, и не осмѣлился бы на это,—сказалъ:

— «А, вѣдь, мы съ вами давно знакомы, Ольга Леонтьевна. Во-первыхъ, вы—подруга по классу моей сестры Зины, а во-вторыхъ, когда вы въ третьемъ году жили на Пуговишниковской улицѣ въ домѣ Давыдова»...

Но засіявшіе синіе глаза уже шли мнѣ на помощь:

— «Какъ же не помнить? Вы были тогда кадетомъ и...»

Она лукаво погрозила пальчикомъ.

— «Гуляли все съ вашей родственницей,—какъ ее звали, я забыла, блондинка?»

— «Пустьяки»... пробормоталъ я недовольно.— «Охота вспоминать. Ничего и не было».

— «Чего именно?»

— «Никогда я за ней не ухаживалъ».

— «А развѣ я сказала это? Она была старше васъ лѣтъ на двадцать. Проговорились, проговорились»...

— «Она замужъ давно вышла, Ольга Леонтьевна», замаялъ я разговоръ, чувствуя себя круглымъ идиотомъ.— «Какъ поживаетъ Клавдія Александровна?»

— «Мама? Благодарю васъ, слава Богу здорова».

— «А вы, по прежнему,—на Пуговишниковской?»

— «Нѣтъ, мы уже давно оттуда переѣхали»...

Разговоръ завязался—то шуточный, то серьезный. Я не разъ ловилъ завистливые взгляды встрѣчныхъ молодыхъ людей, въ особенности кланявшихся Олѣ, и послѣ этого съ удвоеннымъ восторгомъ любовался хорошенькой спутницей. Дворянская осталась позади, навстрѣчу бѣжала подъ гору мирная Лазаревская съ искрящимися въ лунномъ сіяніи гребнями сугробовъ, вѣтками свѣсившимися на улицу изъ-за покосившихся заборовъ, яркими огнями за кисейными занавѣсками, лаемъ собакъ у плотно прикрытыхъ воротъ.

— «Далеко вы забрались», сказалъ я.

— «А вы устали?»

— «Съ вами устать?» вырвалось у меня. Она помолчала секунду—другую, будто удивленная, и затѣмъ весело отвѣтила:

— «Будете часто ходить—устанете. Я люблю ходить. Мнѣ даже нравится, что мама наняла квартиру далеко отъ центра. Какъ лѣтомъ у насъ хорошо! Сколько цвѣтовъ! Совсѣмъ, какъ на дачѣ: пріѣдете на каникулы,—я вамъ покажу. Вотъ и мы».

Она шаловливо пробѣжала нѣсколько шаговъ и остановилась у подъѣзда одноэтажнаго домика въ три окна съ закрытыми ставнями, сквозь щели которыхъ свѣтился огонь.

— «До свиданія»... началъ было я.

— «А развѣ не зайдете? Чаю напитокъ? Вѣдь, вамъ далеко идти, холодно. Вы же знакомы съ мамой. Идите,—что я говорю? оставайтесь».

Оля со смѣхомъ дернула за ручку звонка.

Надо ли говорить, что я былъ очарованъ и тѣсными комнат-

ками, и горячимъ душистымъ чаемъ, и Клавдіей Александровной,—высокой худощавой женщиной, рано посѣдѣвшей, и гимназистомъ второго класса, братомъ Оли, мѣшавшимъ мнѣ говорить своими разспросами о ружьяхъ различныхъ системъ, даже косоглазой, неуклюжей горничной, подававшей шинель. Все было мило, уютно, привѣтливо, потому что надъ всѣмъ царили милые, дорогіе синіе глаза.

И когда, проболтавъ у Михайловыхъ до двѣнадцати часовъ, я летѣлъ домой, мечты мои кружились въ такомъ безумномъ вихрѣ, что я почти не замѣтилъ длиннаго пути.

5.

У меня и Оли не было объясненія въ любви, но сама собой сказала послѣдняя, какъ электричество, невѣдомо откуда насыщающее темныя тучи, какъ притяженіе магнита, дремлющее тамъ, пока не приблизится желѣзо. Мы угадали наше взаимное чувство,—и стали парой, не связавъ себя ни однимъ поцѣлуемъ. Я видѣлся съ ней при каждомъ удобномъ случаѣ. Соперники отошли въ сторону, и Оля, умысленно или случайно, не подала мнѣ ни одного, самага ничтожнаго повода къ ревности. Зина ликовала въ желанной роли посредницы, и даже мама какъ то вечеромъ сказала мнѣ совершенно серьезно:

— «Что жъ, я буду рада, если ты женишься на ней. Только жениться можно въ двадцать три года, а тебѣ всего двадцать».

— «А, если не идти въ военную службу?» возразилъ я, вспомнивъ въ то же время, что не имѣю права сдѣлать этого, не отслуживъ офицеромъ трехъ лѣтъ за обученіе въ училищѣ. Но мать и безъ того посмотрѣла на меня почти съ ужасомъ.

— «Куда же еще?»

— «Поступлю въ университетъ или въ институтъ какой-нибудь»...

— «А кто платить будетъ?»

— «Стипендію дадутъ, уроки»...

— «Глупости это, Миша. Стипендію безъ протекціи не дадутъ, да и то не сразу и не всякому. Холостые студенты голодаютъ, а ты жениться долженъ. Еще дѣти пойдутъ... Да и древнихъ языковъ не знаешь. Въ институтъ путей сообщенія или тамъ технологическій, что ли,—математика нужна, конкурсъ, говорятъ, ужасный. Значитъ, готовится надо, по крайней мѣрѣ, годъ. На какія средства, Миша?»

Я въ раздумьи понурилъ голову.

6.

Въ день разлуки я не выдержалъ и съ признаніемъ сорвалъ у Оли первый робкій поцѣлуй. Мы обѣщали писать другъ другу черезъ Зину. Мои письма, обдуманная и выношенная въ душѣ то на скучныхъ лекціяхъ, то на ночныхъ дежурствахъ, были цѣлыми поэмами. Я умолялъ ее ждать моего офицерскаго совершеннолѣтія, обѣщая самую строгую вѣрность и рисуя радужнѣйшими красками будущее. Три года—развѣ это много? Въ Англии, на примѣръ, или въ Америкѣ невѣсты ждутъ свадьбы лѣтъ по пяти. Кончивъ училище, я постараюсь взять ваканцію въ Краснопольскъ,—въ артилерію, а то и въ пѣхоту. Если ваканцій не будетъ, то переведусь туда же черезъ полгода, самое большее,—черезъ годъ, для совмѣстнаго служенія съ двоюроднымъ братомъ, служившимъ въ одномъ изъ стоявшихъ въ Краснопольскѣ полковъ.

Оля писала аккуратно, но мало, объясняя это осторожностью и стараясь искупить краткость нѣжностью выражений. Со всѣми моими планами была согласна безусловно. Къ масляницѣ она прислала свою фотографическую карточку, которую я съ торжествомъ показывалъ товарищамъ, болѣе близкимъ, конечно, какъ карточку моей «невѣсты».

Увы, это было триумфомъ любви.

Олины письма внезапно прекратились. Я сталъ беспокоиться и бомбардировать запросами сестру, пока не получилъ отвѣта, что она поссорилась съ Олей Михайловой и не желаетъ имѣть съ послѣдней никакихъ сношеній.—«Спроси ее самъ», писала сестра.—«почему она не пишетъ. Быть можетъ, у нея хватитъ порядочности сказать правду».

Но я не успѣлъ исполнить этого намѣренія, какъ пришло письмо отъ самой Оли. Она писала, что, къ моему несчастью, полюбила другого.—«Я сознаю, что не имѣла на это права, прошу прощенія и отъ души желаю вамъ счастья съ болѣе достойной. Но я не такъ виновата, какъ, можетъ быть, вамъ покажется. Отъ судьбы не уйдешь. Быть можетъ, вамъ придется пожалѣть меня. Вѣрьте, что я васъ любила и теперь не хочу, чтобы вы меня считали врагомъ. Вѣрю въ вашу порядочность, но всетаки прошу возвратить мнѣ письма и карточку, могущія безъ вашего вѣдома попасть въ чужія руки. Прощайте и простите искренно уважающую васъ О.»

Нѣсколько разъ перечиталъ я это письмо, странно сливавшее въ себѣ несомнѣнно продиктованную кѣмъ то осторожность и расчетливость съ искренними, вырвавшимися изъ глубины души,

фразами. Скорбь, ревность къ невѣдомому врагу, укравшему мое счастье, безсильная злоба терзала меня. Я забросилъ занятія, ходилъ мрачный, какъ туча и въ первый же вечеръ въ отпускъ напился п.... А черезъ нѣсколько дней послѣ этого отвѣтилъ на письмо Оли приблизительно такъ:

— «Милостивая Государыня, Ольга Леонтьевна! Ваше письмо весьма меня тронуло и заинтересовало. Признаться, я считалъ до сихъ поръ каждаго человѣка властелиномъ собственной судьбы, а не наоборотъ. Очевидно, у женщинъ на этотъ счетъ особая логика. Надѣюсь, что во имя вашей минувшей симпатіи къ моей особѣ, вы не откажете мнѣ въ послѣднемъ свиданіи и объясненіи хотя бы на Пасхѣ. Вѣрьте честному слову, то и другое немного обезпоятъ васъ. Насильно милъ не будешь. Тогда, если пожелаете, я вамъ возвращу вашу карточку и на вашихъ глазахъ уничтожу всѣ письма. Желаю полнаго счастья вамъ и моему, болѣе достойному преемнику. Вашъ бывший М.»

Подумавъ немного, я сдѣлалъ приписку:

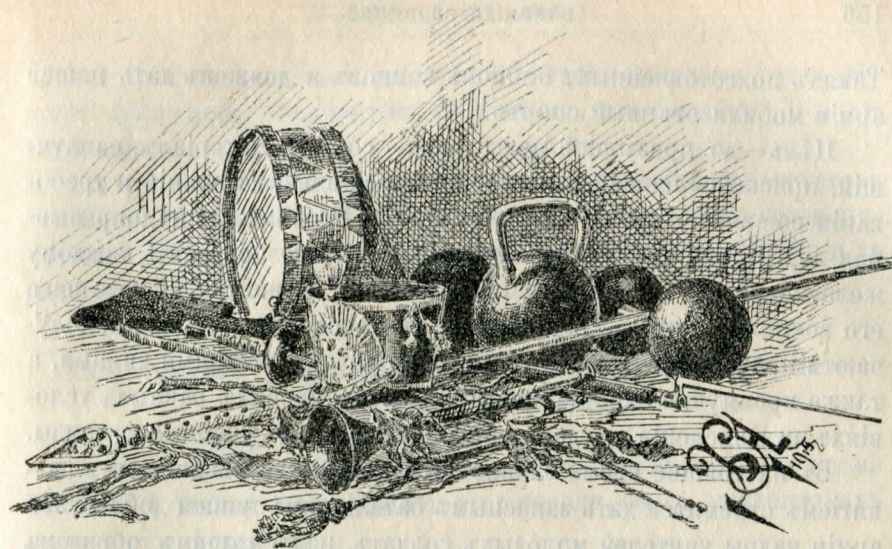
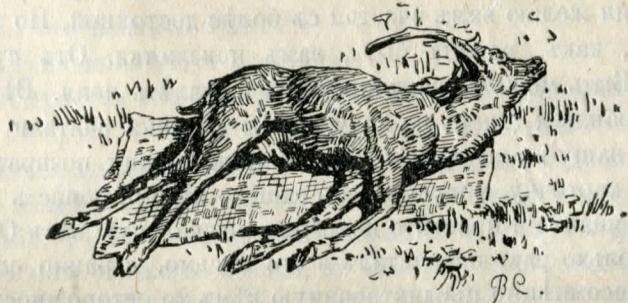
— «Надѣюсь, что мои письма и карточка также не сдѣлаются предметомъ любопытства даже «близкаго» вамъ лица».

Ядовитое письмо ненадолго облегчило меня. Сердце ныло, воображеніе рисовало мучительныя картины. Я винилъ то Олю, то себя самого, хотѣлъ видѣть моего соперника, узнать истину отъ самой Оли и въ то же время страдалъ отъ сознанія, что для этого необходимо ѣхать въ Краснопольскъ, играя тамъ въ глазахъ всѣхъ роль отвергнутаго поклонника, неудачнаго жениха. И къ тому, и другому примѣшивалась то и дѣло робкая надежда, что Оля и ея любовь вернутся ко мнѣ.

Скоро я узналъ отъ Зины, кто отнял у меня Олю.

Б. Кривцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ МОБИЛИЗАЦІИ СПОРТА.

29-го сентября 1915 г. въ Маринскомъ дворцѣ въ залѣ Совѣта Министровъ состоялось засѣданіе совѣта по дѣламъ физическаго развитія при участіи представителей спортивныхъ всероссійскихъ союзовъ и многихъ петроградскихъ и московскихъ дѣятелей въ области спорта. На засѣданіи, давшемъ очень цѣнные практическіе результаты, предсѣдательствовалъ главнонаблюдающій за физическимъ развитіемъ народонаселенія Россійской имперіи свиты Его Величества ген.-маіоръ В. Н. Воейковъ. Въ этомъ же засѣданіи была доложена полковникомъ А. П. Мордовинимъ, программа знаній, необходимыхъ для молодежи, подлежащей призыву въ армію; въ настоящее время эта программа уже одобрена штабомъ Верховнаго Главнокомандующаго и боевые генералы участники настоящей войны дали о ней лучшіе отзывы.

Генераль В. Н. Воейковъ во вступительной своей рѣчи отмѣтилъ тотъ неправильный взглядъ, будто въ современной войнѣ имѣетъ рѣшающее значеніе исключительно техника, но его мнѣніе, что послѣднее слово принадлежитъ хорошо подготовленному бойцу.